

Возможно, из-за сильнейшего испуга она споткнулась, пытаясь убежать, и упала прямо в дверях. С тревогой глядя на Чу Ли, она ждала наказания, но он лишь прикрыл ей глаза рукой и мягко спросил:

— Зачем ты пришла? Тебе не следует видеть то, что здесь происходит.

Да, о ты, чье имя — страсть и муки, твои коварные замыслы и впрямь не предназначались для глаз простой Юй Сыин. Но теперь я — Цин Ло, больше не сторонний наблюдатель, а участница происходящего...

Если это поможет завоевать твое доверие, я согласна.

— Я согласна, — произнесла Цин Ло.

— Хорошо.

Чу Ли легко улыбнулся, уголки его губ изогнулись в красивую линию, отчего он казался еще более ласковым и чистым, словно нефрит:

— Раз так, выпей это.

В руке у Чу Ли лежала крошечная ярко-красная пилюля. Цин Ло посмотрела на нее и, почти не раздумывая, взяла, а затем, сжав зубы, проглотила. В тот же миг все ее тело охватило жжением, будто от пожирающего изнутри пламени. Она судорожно опустила голову, до крови закусив губы, а со лба уже ручьем катился холодный пот. Чу Ли с высокомерным видом посмотрел на нее и слегка улыбнулся:

— Хорошо. Раз ты поклялась мне в верности, я пока поверю тебе. Живи спокойно в резиденции, я буду относиться к тебе как к почетной гостье. Когда придет время, я скажу, что тебе нужно делать, а пока — готовься.

— Слушаюсь, Ван.

— Отдыхай.

С этими словами Чу Ли даже не взглянул на побледневшее от боли лицо Цин Ло и молча толкнул дверь, удалившись. Стоило ему уйти, как терпение Цин Ло иссякло: она рухнула на пол, больно ударившись головой. Ощущение невыносимого жара в груди ничуть не утихло; зажав руками грудь, она жадно ловила ртом воздух, а по щекам катились слезы.

Сердце болело. Как же сильно оно болело...

Но разве это могло сравниться со смертью?

Когда опустилась ночная темнота, тело Цин Ло наконец немного окрепнуло, и она тут же отправилась навестить своего единственного близкого человека — Линчжи. Переодевшись в простое, незаметное синее платье, она тихонько пробралась к Павильону Вэньсян, где содержали Линчжи. Павильон Вэньсян был величественным и очень изящным уголком резиденции, и, судя по всему, Чу Ли действительно неплохо устроился с Линчжи. Держа в руках коробку с едой, она перевела дыхание и постаралась говорить как можно спокойнее, обращаясь к караульным у входа:

— Я принесла еду для госпожи Линчжи по приказу. Откройте дверь, братья.

— Еду? Только что ведь кто-то ушел, почему снова?

— Госпожа Линчжи сказала, что прошлая еда ей не по вкусу, поэтому Ван приказал на кухне приготовить другую и принести. Если не верите, спросите у Вана лично.

— Ох ты ж, девчонка, язык подвешен хорошо! Ладно, Ван изначально не запрещал другим навещать госпожу Линчжи, раз уж принесла — иди. Только возвращайся быстрее.

— Благодарю, братья.

Цин Ло и не чаяла, что все пройдет так гладко, даже не верилось в собственную удачу. Быстрым шагом она направилась к главным покоям Павильона Вэньсян, а ее сердце заходило от волнения при мысли о скорой встрече с Линчжи.

Линчжи, я пришла. Наконец-то я больше не одинока...

Линчжи.

— Кто там?

Вместе с приоткрывшейся дверью резко обернулась женщина, наряженная донельзя ярко и вызывающе. На ней было платье из темно-фиолетовой марли, кожа бела как снег, а в глазах играл соблазнительный блеск. Ее облик отдаленно напоминал ту Линчжи, что сохранилась в памяти Цин Ло, но исходившие от нее чарующая дерзость и хищный холод разительно отличались от прежней живой и милой девушки. Цин Ло ошеломленно замерла перед этой прекрасной незнакомкой. Встретившись с ней взглядом, та нахмурилась и с явным недовольством бросила:

— Ты еще кто такая и смеешь самовольно вламываться в Павильон Вэньсян?

— Я...

— О? Неужели Ван передумал и решил меня выпустить? Я же говорила, что меня оклеветали! Ван наконец во всем разобрался? Наверняка это та мерзавка Цзи Юэ подстроила всё, но Ван обязательно восстановит мою справедливость!

— Ты... — недоверчиво произнесла Цин Ло.

Она просто не могла сопоставить наглую особу перед собой, ничем не отличающуюся от прочих жен и наложнок Чу Ли, с той нежной и кроткой Линчжи. Чувствуя замешательство, она даже не верила собственным глазам. Та окинула ее взглядом и с ехидной улыбкой процедила:

— Да, я. А ты кто?

— Меня зовут Цин Ло.

— Цин Ло... Зеленеют побеги плетистого растения, красивое имя. Только вот...

Она намеренно замолкла на полуслове и вдруг резко взмахнула рукой, отвесив Цин Ло звонкую пощечину. Щека Цин Ло мгновенно вспыхнула и распухла. Растерянно глядя на нее, Цин Ло услышала гневный крик:

— Кто тебе позволил обращаться ко мне по имени и не называть госпожой? Знаешь что? Даже если Ван временно запер меня здесь, я остаюсь его любимейшей наложницей! Не позволю всяким сбродам смотреть на меня свысока! Тц!

— Эта служанка... виновата.

Сладко улыбаясь, Цин Ло коснулась собственной щеки, покорно опустила голову и склонила в поклоне стан. Ее улыбка была прекрасна, как распутившийся в марте пион, отчего на секунду даже растерялась. Хотя возле Вана никогда не было недостатка в красавицах, эта Цин Ло казалась чуть ли не прекраснее всех их вместе взятых — настолько ослепительно, что при одном взгляде на нее у Линчжи возникало смутное чувство угрозы. Выплескивая накопившуюся злость заключенной на Цин Ло, она почему-то почувствовала холодок в груди, стоило ей увидеть эту улыбку: казалось, за ней скрывались бесчисленные острые клинки...

— Ладно, раз признала вину, я не стану преследовать тебя. Кто ты такая, пришла сюда по приказу Вана проводить меня?

— Эта служанка лишь наслышана о красоте госпожи и постигшей ее несправедливости, потому и пришла навестить, без чьего-либо приказа.

— Выходит, он всё еще... Но я же не травила его! Пусть я и была служанкой той самой Юй Сыин, но в первую очередь я — женщина Вана, без памяти в него влюблена! Стала бы я мстить за эту мертвую женщину?! Это всё наговор!

Лицо Линчжи исказилось от волнения. Цин Ло тихо улыбнулась, чувствуя, как по телу разливается ледяной холод. Подойдя ближе к собеседнице, она прошептала едва слышно, с нежностью в голосе:

— Вот как... Эта служанка тоже думала, что вряд ли кто-то окажется настолько глуп, чтобы мстить за ушедшую из жизни покойную княгиню, ведь о ней давно уже все забыли. Госпожу оклеветали, и если у этой служанки представится шанс, я обязательно передам Вану о ее невинности.

— Не нужно твоей фальшивой доброты! Кем ты приходишься Вану? Его новая наложница? — подозрительно прищурилась Линчжи.

— Эта служанка — никто, — холодно ответила Цин Ло.

Всего лишь та, о ком все давно позабыли.

Тайный ход

— Госпожа Линчжи, эта служанка удаляется. Надеюсь, госпожа вскоре добьется прощения Вана и исполнит свое заветное желание. И еще... я очень рада, что смогла увидеть вас живой.

— Ты...

— Эта служанка уходит.

Прежняя сердечная близость казалась чем-то из прошлой жизни, но всё это уже кануло в Лету. Да, раз уж Чу Ли смог предать и оклеветать меня, то и ты, Линчжи, разумеется, способна на то же самое. Но как бы там ни было, главное — ты жива.

И я действительно рада видеть, что ты жива.

Произнеся это, Цин Ло изящно поклонилась Линчжи, оставила коробку с едой и отступила. Оказавшись за дверью и вдыхая свежий морозный воздух, она ощущала, как стынет все тело, а глаза саднит от подступающих слез, но на губах играла улыбка. Из ее глаз уже больше не текли слезы. Подняв голову к полному диску луны на небе, она улыбнулась еще шире, а на душе стало удивительно легко и мирно.

Какое блаженное чувство, как хорошо, как прекрасно...

Да, это и есть лучший финал. Если бы у меня остались привязанности, как бы я смогла мстить? Как бы шаг за шагом наблюдала за тем, как Чу Ли теряет всё и корчится в муках? Теперь я встала рядом с Чу Ли, и мой следующий шаг — отыскать правду о гибели моего рода и о собственном предательстве.

Здесь мне никто не поможет, я могу рассчитывать только на себя.

Чу Ли, я знаю, что ты замышлял все это время, знаю, какую роль в твоих планах сыграл мой наивный отец. Я непременно отыщу доказательства и заставлю тебя понести заслуженную расплату.

Миновал полумесяц с тех пор, как Цин Ло поселилась в резиденции князя Наньчжао. Благодаря особому распоряжению Чу Ли, ей не нужно было являться с поклонами к наложницам во главе с Цзи Юэ, не приходилось сгибать свою некогда гордую выю — пожалуй, это было единственным крошечным утешением, дарованным ей небесами. Чу Ли не навещал ее, однако приставил нескольких наставников обучать ее игре на цине, каллиграфии и живописи. Ей казалось, будто она снова вернулась в Бордель Хунсю, и оттого ей становилось еще труднее угадать, что же творится в голове у Чу Ли и чего он добивается.

Впрочем, какая разница, какие у него планы?

Теперь она хотела лишь одного: выжить, а затем медленно и методично отомстить.

Она не забывала, как в прошлой жизни, окруженная показной безграничной любовью Чу Ли, сама того не ведая, стала объектом всеобщей зависти, из-за чего и пала жертвой козней, разыгравших спектакль с ее изменой. Теперь же она стремилась оградить себя от мирской суеты: сначала закрепиться в резиденции, затем по крупицам собирать сведения и докопаться до истины минувших дней.

Она вела уединенный образ жизни, не сближалась с первыми встречными и ни с кем не ссорилась.

За полмесяца пребывания в резиденции, хотя интерес Чу Ли к ней угас и он не уделял ей никакого внимания, она соблюдала предельную осторожность в словах и поступках, пристально следя за каждым его шагом. Ей было известно, что из Уголка Ив, где она прежде жила, вел тайный ход прямо в кабинет Чу Ли, а в его кабинете хранились письма от вельмож, с которыми он поддерживал связь. Заполучи, мол, эти послания — и непременно узнаешь какие-нибудь тайны Чу Ли.

Изначально этот проход был проложен лишь для того, чтобы она могла тайком любоваться им, когда он занимался государственными делами. Чу Ли тогда молчаливо разрешил существование этого хода, позволяя ей баловаться по ее капризу. Ей нравилось внезапно преподносить ему сюрпризы, а Чу Ли, закончив работу с бумагами, порой тоже навещался через этот лаз к ней в покои. Можно сказать, это было свидетельством их некогда искренней любви, но сегодня этот проход превратится в его смертный приговор...

Она не дрогнет.

Действовать

Эта ночь — идеальный момент.

Обычно кабинет охранялся строжайшим образом, да и сам Чу Ли проводил там каждую ночь засиживаться допоздна, лишая Цин Ло всякой возможности подобраться ближе. Но сегодня, как поговаривали, в резиденцию прибыл высокопоставленный гость, и все силы стражи бросили на его охрану, из-за чего защита кабинета неизбежно ослабла. При таком раскладе, даже если в кабинете появится посторонний, стражники вряд ли это заметят.

С наступлением сумерек Цин Ло с напускным спокойствием поужинала у себя в комнате, после чего под предлогом недомогания выпроводила Лоэр в другую комнату, а сама под покровом лунного света выскользнула наружу. В руках она сжимала коробку для еды, служившую прикрытием; на дне коробки лежал смертоносный, сверкающий холодной синевой кинжал — для самообороны и для придания себе храбрости.

Владения князя Наньчжао были огромны. Уголок Ив, где раньше жила Цин Ло, представлял собой изящный тихий домик на берегу пруда с лотосами. Она думала, что по приказу Чу Ли Уголок Ив усиленно охраняется, но перед зданием не оказалось ни единого солдата. Увядшие стебли лотосов в пруду покачивались на ветру, шурша и создавая ощущение глубокого запустения.

Она любила лотосы, и Чу Ли когда-то специально приказал развести в резиденции множество редких сортов. Теперь же, после ее смерти, за любимыми цветами никто не ухаживал — поистине, стоит человеку уйти, как остывают и чувства. Стоя у входа в Уголок Ив и молча глядя на пожелтевшие листья в пруду, она глубоко вздохнула и толкнула запертую дверь.

Планировка дома осталась прежней.

Качели в углу двора, на которых она в часы досуга резвилась со служанками, казалось, совсем обветшали; стоявшее во дворе персиковое дерево, что по весне покрывалось роскошным розовым цветом, очевидно, погибло — торчали лишь сухие ветки, и не было больше нежных лепестков. Колокольчики под крышей покрылись толстым слоем пыли, но стоило им качнуться на ветру, как раздался мелодичный звон. Всё осталось прежним, изменилась лишь она сама...

Цин Ло тихонько толкнула дверь в спальню.

Убранство комнаты тоже ничуть не изменилось: изящная мебель заросла плотным слоем пыли — сразу видно, что сюда давным-давно никто не заглядывал. На широкой мягкой постели висели выцветшие алые шелковые пологи. На этой кровати они когда-то с Чу Ли... но теперь при мысли об этом накатывало лишь омерзение.

— Ой, почему так? Куда делся семейный артефакт семьи Юй — Кровавый нефрит? И моя любимая шпилька в виде цветка лотоса тоже пропала... Почему исчезли именно эти две вещи?

Взглянув на туалетный столик, Цин Ло автоматически перебрала драгоценности, которыми пользовалась раньше: самые дорогие украшения лежали на месте в полной сохранности, и пропали лишь Кровавый нефрит, подаренный отцом в день свадьбы, и та самая заколка от матушки.

Кровавый нефрит был реликвией, которую род Юй оберегал из поколения в поколение, лакомый кусочек для многих. Наверное, после ее смерти его забрал Чу Ли — или же он женился на ней лишь ради того окровавленного камня, что, по преданию, обладал силой потрясти Поднебесную. Но кто забрал ту шпильку? Ведь она не представляла никакой материальной ценности, это был всего лишь подарок матушки на день рождения! Кто мог позариться даже на нее?

В груди Цин Ло росло недоумение. Она растерянно смотрела на свою шкатулку, понимая, что времени в обрез. Положившись на память, она нащупала потайной выключатель на кровати, и створка стены послушно заскользила в сторону. И пусть глубокий темный лабиринт казался бесконечным, она без труда отыскала нужный рычаг и шагнула прямо в кабинет Чу Ли.

Нефритовая шпилька

Лунный свет лился потоком.

Даже в темноте, без единого зажженного огня, кабинет Чу Ли казался призрачно-ясным и до боли знакомым. Цин Ло быстрым шагом подошла к его письменному столу и резко дернула за ящик, но тот оказался заперт на замок.

Слегка нахмурившись, она напрягла память: в голове блеснула молния, и она вспомнила, что ключ от стола хранился где-то в кабинете. Чу Ли говорил ей: чем опаснее место, тем оно надежнее, а ключ прятался за картиной в самом центре кабинета...

Ключ в руке, замок поддался.

В центре заваленного письмами ящика обнаружилась деревянная шкатулка. Цин Ло в волнении принялась перебирать бумаги, но наткнулась лишь на приглашения и прошения о встрече из разных уголков страны — ничего стоящего.

С легким разочарованием она открыла шкатулку, надеясь отыскать внутри хоть какие-то ценные сведения, однако наткнулась взглядом на ту самую нефритовую шпильку, подаренную матерью.

Шпилька была вырезана из зеленого нефрита в форме лотоса; прожилки цветка

просматривались отчетливо, сам нефрит излучал влажный зеленый блеск тончайшей работы. Это было ее любимое украшение при жизни.

Она не понимала, зачем Чу Ли понадобилось запирасть столь незначительную безделушку в собственном тайнике. Молча достав ее, она с удивлением заметила, что шпилька стала еще более гладкой и нежной на ощупь, словно ее постоянно крутили в пальцах и гладили. Зачем ему было оставлять этот аксессуар в кабинете? Что он вообще замышлял?

Снаружи послыблись шаги.

Обладая острым слухом, Цин Ло различила приближающиеся к кабинету шаги. Охваченная паникой, она лихорадочно соображала, как поступить, и в конце концов, сжав зубы, спрятала шпильку. Быстро заперев ящик, она нажала на потайной механизм и вернулась в лабиринт в ту самую секунду, когда дверь кабинета отворилась, впуская Чу Ли и какого-то мужчину в белых одеждах.

Через смотровое отверстие в стене лабиринта Цин Ло неподвижно следила за Чу Ли. Перед ней предстал его благородный профиль и чужая спина в белом. Гордый Чу Ли опустился на колени перед незнакомцем и заговорил о чем-то. Цин Ло изо всех сил напрягла слух, но разобрать слова не удавалось. Когда же она попыталась прислушаться получше, взгляд Чу Ли вдруг резко метнулся в ее сторону. Перепугавшись до смерти, она бросилась бегом прочь по тайному ходу, не оглядываясь.

Стремительно вернувшись в свои покои, она никак не могла унять колотящееся от страха сердце. А в это время в кабинете мужчина в белом обернулся и с улыбкой бросил Чу Ли:

— Похоже, за нами понаблюдали... Не думал, что в резиденции князя Наньчжао водятся столь скрытные таланты.

— Император шутит, кто в моей резиденции осмелился бы следить за Вашим Величеством?

— Вот как... — уголки глаз мужчины изогнулись в манящей, преисполненной чувственности улыбке. — К слову, где та ослепительная красавица, которую ты обещал мне преподнести?

— Сегодня она немного нездорова. В следующий визит Вашего Величества я непременно представлю ее.

— Ничего страшного. Женщины всегда желаннее, когда они недоступны, ха-ха...

Оскорбления

Она ожидала увидеть хорошо обученные отряды воинов клана Чу, но вместо этого застала пышно цветущую Ляньхуа, которая заставляла служанок изо всех сил лупить стоявшую на

коленях девушку. Приглядевшись, Цин Ло сжалось сердце: на коленях перед ними стояла Лоэр — ее щеки распухли от ударов, а лицо было залито слезами.

— Что здесь происходит? — Цин Ло почувствовала, как отлегло от сердца, но тут же нахмурилась.

— Ой, кого я вижу, да это же барышня Цин Ло. Эта девчонка украла мой браслет, я всего лишь преподаю ей урок, неужто ты, хозяйка, имеешь возражения? Или тебе тоже приглянулся мой браслет, и ты решила...

С этими словами Ляньхуа с наигранным пониманием окинула Цин Ло с ног до головы. Цин Ло стояла неподвижно, позволяя себя рассматривать, а на ее губах играла насмешливая улыбка. Она прекрасно понимала: сейчас разыграется грязнейший из спектаклей, и целью Ляньхуа была вовсе не Лоэр, а она сама.

Оказывается, смирением и уходом от мира невозможно купить себе спокойную жизнь — те, кто жаждет избавиться от тебя, вовсе не откажутся от борьбы лишь потому, что ты не вступаешь в неё. Но неужели тот мужчина стоил таких жертв? Даже одержав победу и став его единственной женщиной, ты в конце концов непременно будешь продана им ради его собственной власти.

Думая об этом, Цин Ло спокойно смотрела на Ляньхуа взглядом, полным жалости, словно глядела на покойницу. Этот взгляд наконец вывел Ляньхуа из себя. Сверля ее яростным взором и пытаясь заглушить беспричинный страх в груди, она срывающимся голосом процедила:

— Почему ты так смотришь на меня? По-твоему, это я оклеветала твою служанку?!

Цин Ло холодно улыбнулась и промолчала.

— Что ты имеешь в виду? Отлично! Хочешь выгораживать свою девчонку? Тогда я покажу тебе твое истинное лицо! Эй, обыскать здесь всё!

Махнув рукой, Ляньхуа отдала приказ, и несколько служанок бросились в комнату Цин Ло. Увидев это, Лоэр вскочила на ноги и загородила им проход. Цин Ло безмолвно ждала развязки, равнодушно глядя на служанку, а та с отчаянием в голосе вскричала:

— Барышня Цин Ло — человек Вана! Как вы смеее?! Ван вам этого не простит!

— Ах ты, языкастая девчонка! Утащить ее!

Разъяренная Ляньхуа отдала приказ. Подоспевшие пожилые служанки схватили Лоэр за руки и ноги, волоча прочую и попутно щипая и колотя ее. Плач Лоэр доносился то совсем близко, то звучал глухо. Цин Ло отрешенно смотрела на нее, совершенно не понимая, зачем та лезет на

рожон из-за чужого дела, добровольно обрекая себя на побои.

Она безучастно наблюдала, как прислуга Ляньхуа «находит» потерянный браслет прямо под ее матрасом, как ее саму бесцеремонно волокут в покои Цзи Юэ, как она безропотно смотрит на ухмыляющуюся неподалеку Линси — все происходящее казалось ей невероятно скучным. Ее равнодушие в конце концов вывело из себя Цзи Юэ, и та со злорадной усмешкой бросила:

— Сестрица Цин Ло, теперь, когда воровка поймана с поличным, что ты еще скажешь в свое оправдание?

Цин Ло зевнула, посмотрев в окно, и не проронила ни слова.

Коленопреклонение

— Твоя служанка Лоэр побывала в покоях сестрицы Ляньхуа, после чего у той пропал бесценный браслет из креветочных усов. Ныне воровка поймана, улики неоспоримы! Лоэр, зачем ты украла браслет госпожи Ляньхуа? Кто надоумил тебя? Говори!

<http://bllate.org/book/21099/2142163>